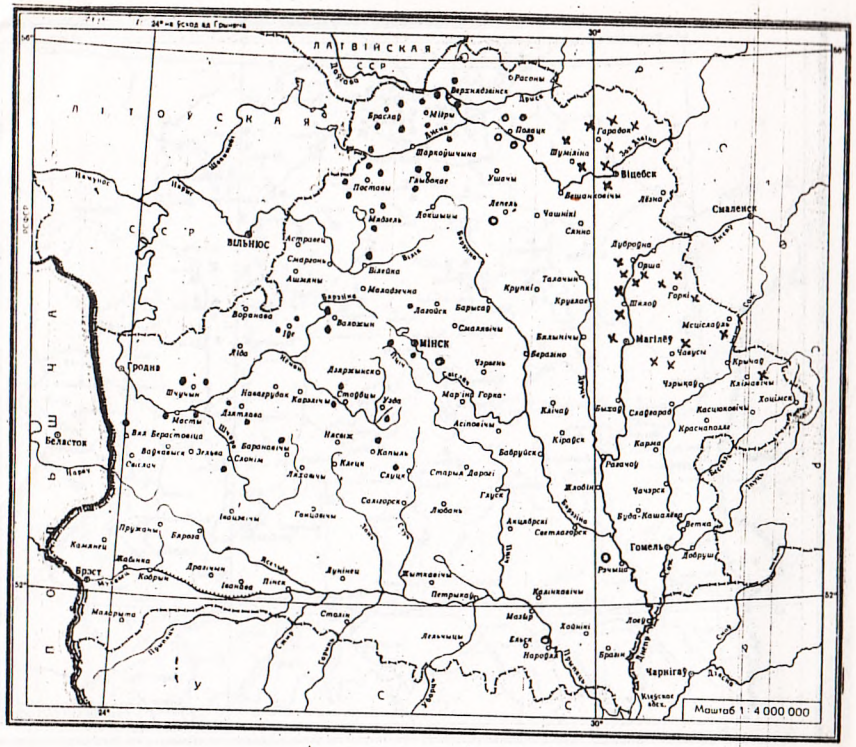
А. Ф. Рогалев

Этнотопонимия Беларуси
(на фоне этнической истории)

Гомель 1993



ж/ Топонимы от этнонимов русины, русаки, русские, москали, /москальки, москалюки/

● первый ареал
✖ второй ареал
○ отдельные названия

Содержание

Введение. Сущность этнотопонимов. Методика анализа 3

Принятые сокращения I7

Использованные источники I9

Общая характеристика этнотопонимов 20

Этнотопонимические "следы" этноязыковой ситуации до начала УII в. 23

Этнотопонимы древнерусского времени /УII – XIII вв./ и периода Великого княжества Литовского /XIУ – УIII вв./ ... 66

Заключение I55

Сводная схема размещения этнотопонимов на территории Беларуси I59

Схемы примерного расположения отдельных групп этнотопонимов

а/ Названия, мотивированные древнейшим периодом этнической истории I60

б/ Топонимы от этнонимов гуды, кривичи, полочане I6I

в/ Топонимы от этнонимов ляхи, мазуры, поляки, слензаки I62

г/ Топонимы от этнонимов литва, литвины, литовцы, литвяки, жемайты /жемойдяки, жемойтуки, жмуйдяки, жомойдзи, жомойдзь/ I63

д/ Топонимы от этнонимов пруссы, борти, скалвы, ятвезь /ятвяги/, дайнава /дайнова/ I64

е/ Топонимы от этнонимов латва, лотвины, латыши, латыголь, земгалы, куршы, селы, видзы I65

ж/ Топонимы от этнонимов русины, русаки, русские, москали /москальки, москалюки/ I66

ББК 8I. 2 Бел-923
Рецензент — доктор филологических наук, профессор П.В.Стецко
Рекомендована к печати кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины.

Объектом описания в книге являются этнонимические географические названия, возникшие на основе этнонимов — нарицательных обозначений различных этнических коллективов и зафиксированные на территории Беларуси. При подходе к собранному материалу автор руководствуется следующим положением: полноценное описание ономастических фактов не может осуществляться без привнесения исторического момента. Поэтому рассмотрение этнотопонимов в данной работе ведётся на широком культурно-историческом фоне, что позволяет делать важные выводы, касающиеся непосредственно этнической истории белорусов.

Настоящее исследование может быть использовано не только научными работниками, но и преподавателями, учителями-языковедами, историками, географами, краеведами, студентами соответствующих специальностей, всеми, кто интересуется историей и топонимикой.

Рогалев А.Ф.
Этнотопонимия Беларуси /на фоне этнической истории/.
Гомель, 1993. — 168 с.

Р 59 ББК 8I. 2 Бел-923

ISBN-5-7830-0489-8

(С) А.Ф. Рогалев, 1993

ВВЕДЕНИЕ. СУЩНОСТЬ ЭТНОТОПОНИМОВ. МЕТОДИКА АНАЛИЗА

Топонимические исследования, интенсивно развивающиеся в последние десятилетия, чрезвычайно обширны и многообразны. Здесь и разработка общетеоретических основ топономастики, и стремление к всестороннему описанию как в синхроническом, так и в диахроническом отношении региональных топонимических систем и их сложных межрегиональных связей.

Необходимостью последовательного и тщательного изучения обширного топонимического пространства обусловливается членение топонимов на группы по формальным или семантическим признакам. Такой подход к топонимическому материалу обеспечивает строгую его организацию, даёт возможность изучать географические названия в определённой системе и учитывать соответствующий набор обстоятельств и факторов, влияющих на формирование той или иной группы топонимов. Это тем более важно, что географические названия являются чрезвычайно устойчивым языковым фактом, в своеобразном "зашифрованном" виде отражающим разные исторические причины их возникновения. Не случайно в топонимических работах последнего времени всё отчётливее проявляется тенденция к выявлению не только сугубо лингвистических, но и экстралингвистических мотивов выбора образующих основ, складывания соответствующих топонимических типов.

Среди разнообразных групп /разрядов/ топонимических единиц особое место принадлежит этнонимическим географическим названиям, или топонимам, возникшим на основе этнонимов — нарицательных названий различных этнических коллективов.

Распространение этнического названия на определённую территорию, занимаемую представителями данного этноса, осуществлялось уже в самой глубокой древности. Поэтому этнотопонимы справедливо можно считать одним из древнейших типов географических названий. Этнонимы в качестве территориальных обозначений очень часто использовались на старых картах, в летописях и произведениях художественной литературы минувших веков /ср., например, фразу из "Слова о полку Игореве": "...Теми тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя подклониша..."/. По мнению Е.М. Поспелова, такую специфику номинации можно объяснить недостаточной развитостью топонимической номенклатуры на ранних этапах географического познания Земли /см.: Поспелов Е.М. Относительная достоверность названий на старинных картах //Развитие методов топонимических исследований. М., 1970. С. 97/. Как считает Г.Ф.Ко-

валёв, именно этнонимы и номинанты, предшествовавшие им, в древности являлись той основой, на которой развивалась топонимическая номенклатура /Ковалёв Г.Ф. История русских этнических названий. Воронеж, 1982. С. 16/.

Этнотопонимы образуют специфическую группу географических названий ввиду очень сильной обусловленности внеязыковыми факторами, что делает их /имена/ источником чрезвычайно важной информации как для языкознания, так и для других наук, особенно истории, географии, этнографии. Этнотопонимы обычно возникают на стыках и границах этнических групп, на иноплеменной или инонациональной территории, подчёркивая отличие жителей данного селения от окружающего коренного населения. В силу этого изучение этнонимических географических названий представляется достаточно актуальным, особенно в общем русле этнолингвистических исследований. Специальное изучение этнотопонимов тем более необходимо тогда, когда они выявляются на территориях, где в течение длительного времени происходили сложные и разнообразные этногенетические процессы, в которых участвовали многие родственные и неродственные народы. В этой связи исследование этнонимических географических названий в белорусском регионе, находившемся испокон веков на пересечении путей, связывавших различные этнические и диалектные континуумы, должно дать интересные результаты. Специальный анализ региональных этнотопонимических фактов позволяет также установить или уточнить в дальнейшем соответствующие топонимические ареалы и досконально изучить различные топонимические типы.

Таким образом, перед нами стоит цель проанализировать всю этнотопонимию одного региона, равного административно-территориальной единице -- Республике Беларусь. Такая цель требует одновременного рассмотрения всей совокупности этнотопонимов указанной территории, представленных на ней в данный период, что признаётся многими специалистами достаточно перспективным для решения ряда как ономастических, лингвистических, так и исторических проблем /см.: Беленькая В.Д. Топонимы в составе лексической системы языка. М., 1969. С. 6; Воробьёва И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск, 1973. С. 7 - 9; Карпенко Ю.А. О синхронической топонимике // Принципы топонимики. М., 1964. С. 47 - 48, 57/. Исследование этнотопонимического материала такого региона, каким является избранный нами, позволяет выявлять характер и особенности данной этнотопонимической микросистемы в отдельности и как составной части, или подсистемы

восточнославянской /шире -- общеславянской/ топонимической системы, а в конечном итоге -- отдельного сектора ономастического пространства вообще. Настоящая работа предполагает не только инвентаризацию и статистический анализ всех этнотопонимических фактов, фиксируемых на территории Беларуси, без чего не может обойтись ни одно исследование, но и решение других сложных и трудоёмких задач, а именно: лексико-семантический анализ топооснов; точную локализацию групп этнотопонимов с последующим выявлением ареалов на основе сходства имён или их основ; структурно-деривационный анализ названий, а также, по возможности, стратиграфический анализ, который позволяет наметить временные рамки появления соответствующих этнонимических географических названий в связи с историей того или иного этнонима и реальными историческими обстоятельствами его появления и последующего функционирования на территории Беларуси. В принципе, предлагаемая работа -- это очерк этнической истории, составленный на основе топонимического материала.

Основная сложность нашей работы заключается в необходимости проследить путь, обратный естественному развитию топонима, т.е. в осуществлении ретроспективного анализа. Однако при ретроспективном рассмотрении в распоряжении исследователя имеются лишь конечные данные, которые, в свою очередь, могут быть результатами разных процессов. Поэтому, чтобы убедиться в правильности хода рассуждений при исследовании тех или иных названий, необходимым, обязательным условием является привлечение дополнительных сведений о причинах и обстоятельствах появления топонимов, о характере ономастической ситуации, мотивах номинации и т.д. Ономастическое исследование нельзя проводить без исторических справок, поскольку одного филологического анализа слов и их различных форм бывает часто недостаточно /см. подробнее в кн.: Теория и методика ономастических исследований. М., 1986. С. 71 - 72/.

Таким образом, необходимым начальным этапом лингвистического анализа этнотопонимов является учёт реальных историко-географических условий, фактов этнической истории, выступающих в качестве основного критерия достоверности сближения этнонимов с теми или иными географическими названиями. Исторические материалы, факты и обстоятельства могут укреплять или ослаблять уверенность в этнонимическом характере названия определённого населённого пункта или целой группы названий.

С другой стороны, иногда решение вопроса не является простым и

помимо историко-географических сведений требует привлечения ряда дополнительных местных фактов и учёта точной документации. Очень часто анализ топонимического фона в соответствующей местности, где выявлен предполагаемый этнотопоним или группа этнонимических названий, позволяет не только подтвердить или опровергнуть этнонимическую природу имени, но и сформулировать или скорректировать сугубо исторические выводы. Подтвердим сказанное одним очень интересным и показательным примером, правильная интерпретация которого позволяет избежать грубой ошибки при проекции названия в историю.

В Костюковичском р-не Могилёвской обл. находится посёлок Печанéж, название которого, на первый взгляд, представляет собой йотовую посессивную модель, продуктивную в древневосточнославянский период /по типу Варяж; см.: Фролова С.В. О продуктивности йотовой топонимической модели в древнерусский период /на материале образований от иноязычных имён/ // Ономастика Поволжья. Вып. III. Уфа, 1973. С. 268 - 271/. В.А. Жучкевич в "Кратком топонимическом словаре Белоруссии" /Мн., 1974. С. 289/ рассматривает название Печанéж как "крайний северный форпост одноимённых названий на Украине", восходящих к этнониму печенеги /с этим этнонимом на территории Украины связывают названия двух населённых пунктов Харьковской области — Печенéги, Печенéжский; с. Печенюги и с. Печенéжин близ Новгород-Северского. Последние два села, согласно преданиям, были основаны печенегами, отколовшимися от орды; см.: Дяченко В.Д. Про назви населених пунктів України етнонімічного походження // Питання топонімії та ономастики. Київ, 1962. С. 158/.

Однако, как нам сообщили в исполкоме Дерaжненского сельского совета народных депутатов Костюковичского р-на, посёлок Печанеж возник только в 1953 г., поэтому никакого отношения к средневековому угротюркскому кочевому народу, известному из начальных восточнославянских летописей под именем печенеги, не имеет.

На расстоянии одного километра от посёлка находится торфяное месторождение под тем же названием. Торфяной массив в 900 га местные жители именуют "болотом Печанéж", причём это название, как можно судить из рассказов старожилов, бытует в речи уже нескольких поколений.

Таким образом, в данном случае мы сталкиваемся с немотивированным гидронимическим фактом, который с формальной, структурно-словообразовательной точки зрения, возможно, членится отнюдь не так, как мы первоначально предполагали для названия населённого пункта: гидроним Печанéж следует сопоставлять, например, с речным названием

Бутéжь /басс. Сейма/ и вычленять формант -еж/ъ/. При таком решении вопрос об этнонимическом характере гидронима снимается. По устному сообщению И.Я. Яшкина, в Пропойском /Славгородском/ р-не Могилёвской обл. бытует слово для обозначения "вялікай спёкі ці гарачыні" — "такéй пячанéж — усё гарíць, плáвіцца", "жырá, спёка, спікатá". Не исключено, учитывая эти факты, что название "болото Печанеж" является своего рода "синонимом" названию "Горелое болото", нередкому в других местностях.

Этнотопонимы являются исключительно названиями, данными со стороны для обозначения местожительства групп населения, которое воспринимается соседями как иноэтническое. Для возникновения подлинных этнотопонимов поэтому необходимы следующие условия: оседлый образ жизни определённого населения, выраженное этническое самосознание, соседство и контакты с населением иной этнической принадлежности, наличие черт, выделяющих данную группу населения из окружающего этнического большинства и проявляющихся в особенностях одежды, языка, духовной культуры, вероисповедания.

Используя этнонимию при этнолингвистических исследованиях /в том числе и этнонимы в составе топонимов, т.е. этнотопонимы/, нельзя забывать о социально-исторической обусловленности этнонимов, заключающейся в чрезвычайно сильной зависимости их от той конкретной исторической эпохи, в условиях которой существует и развивается этнос и связанная с ним этническая номенклатура. Изменения в политической, социально-экономической и этнической обстановке влекут за собой появление новых имён, исчезновение старых или изменение их реального содержания /см. своего рода "иллюстрацию" к сказанному в кн.: Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 5 - 6, 176/. Этнонимы живо реагируют на малейшие количественные и качественные изменения в составе населения, на его перемещения. Политические, хозяйственные, культурные, торговые, военные события, само восприятие народом окружающей его действительности отражаются в этнонимах порой в довольно интересных и необычных формах. Нельзя забывать и о такой специфике этнонимии, как тенденция к интернационализации /вопросы интернационализации, архаизации, многозначности этнонимов так или иначе затрагиваются, например, в следующих работах: Агеева Р.А. О финно-угорской этнонимии // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IУ. Ижевск, 1967. С. 36 - 38; Бибиков М.В. Архаизация в византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 30 - 34; Климчук Ф.Д. Восточ-

нославянский этноним "литвины" // Международная конференция балтистов. Тезисы докладов. Вильнюс, 1985. С. 168 - 169; Литаврин Г.Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М., 1976. С. 198 - 217/. Этнонимы, родившись в одном языке, по разным причинам получают распространение в других языках, при этом нередко меняя своё содержание, приобретая иное этнонимическое или отэтнонимическое значение. Поэтому если в соответствующем регионе встретились как будто ясные в формальном отношении этнонимы, в том числе в составе географических названий, это не означает присутствия здесь в прошлом данных народов, поскольку необходимо прежде всего определить реальное содержание и значение этнонима

Содержание этнонима — это та внеязыковая действительность, которая обозначается словом /т.е. это определённый этнос/. Значение /семантика/ этнонима — это значение собственно слова, с помощью которого обозначается соответствующее явление реальной действительности. Содержание этнонима равнозначно значению нарицательного слова, значение этнонима равнозначно внутренней форме нарицательного слова. Отличие этнонима от слова в том, что у этнонима часто меняется содержание. Но так как новое содержание этнонима — это новая этническая и соответственно новая языковая среда, то в новом языковом окружении тот комплекс звуков, который представляет собой этноним в плане выражения, всегда будет подогнан под определённый план содержания, т.е. этноним будет "объяснён", переосмыслен /народная этимология/, ему будет найдена новая "внутренняя форма". Отсюда — возможность "множественности" этимологий этнонимов. Этноним тоже может терять свою семантику /как и слово — внутреннюю форму/. В таком случае он становится "чистым" знаком для условного обозначения определённого содержания. Следующие примеры разъясняют суть сказанного.

Этноним литвины использовался в XVI - XVII, а иногда и в XIX - XX вв. для обозначения белорусского населения со стороны украинцев /на землях Полесья/ и русских. Этот же этноним использовался и польским населением для обозначения собственно литовцев и белорусов в XVII - XVIII вв. /см.: Этнаграфія беларусаў. Мн., 1985. С. 77, 79, 131/. Содержание этнонима литвины, литовцы на территории Беларуси в XIV - XIX вв. колебалось от наиболее узкого, собственно этнического значения до самого широкого — для обозначения всего населения Великого княжества Литовского. Кроме того, в древневосточнославянскую эпоху собственно этническое значение этнонима литва не было

равнозначно такому же значению этого наименования в более новое время. Всё это, естественно, необходимо учитывать и при анализе многочисленных этнотопонимов Беларуси, связанных с этнонимами литва, литвины, литовцы /см. подробнее ниже, на сс. 57 - 60 , 113 - 119/.

Источники VIII - IX вв. сообщают о "славных храбростью" лютичах-велетах — славянском племенном союзе на нижнем Одере. Народная традиция воспринимала их как волотов - богатырей, великанов /ср. белор. волат - "богатырь, великан"/. Однако это лишь одна из поздних "интерпретаций" имени велеты. На более ранних этапах этот этноним разными авторами передавался в формах вельты, волки, бельки /о соотнесении имени волки с лютичами, или вельтами, велетами писал Н.С. Державин; см.: Державин Н.С. Славяне в древности. М., 1946. С. 31; этноним бельки среди прочих имён скифских народов, населяющих северо-восток Европы, упоминал римский автор начала I в. н.э. Помпоний Мела; см.: Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 172/. Формы бельки, волки в свою очередь ассоциируются с наименованием кельтской племенной группы вольков-тектосагов, вышедших в середине I тыс. до н.э. из Галлии и двигавшихся на восток вдоль южных рубежей германского ареала в районы Чехии, Моравии, Паннонии, где и начались кельто-славянские контакты. Отсюда — волохи "Повести временных лет", "нашедшие" на славян и вытеснившие часть из них на север и северо-восток, в современные западно- и восточнославянские пределы. Имя лютичей-велетов, таким образом, этимологически имеет совсем не "богатырские" истоки; прототип этого имени /этноним волохи - влахи/ возводится к индоевропейской основе $^{+}$uel с первоначальной внутренней формой "скотовод", "пастух" /см.: Иванов В.В., Топоров В.Н. К вопросу о происхождении этнонима "валахи" // Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979. С. 61 - 85/.

На территории Беларуси в XIX - XX вв. фиксируются топонимы типа Валатава́, Во́латава, Валато́ўка, Валато́ўнае, Во́латнеў, Вялета́ўка /см., например, перечисление ряда подобных наименований в северных районах Беларуси в статье: Веселовский А.Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском /Веронском/ // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. XI. Кн. 3. С.-Птб., 1906. С. 15 - 16 /. Однако попытки видеть в указанных названиях этнонимические следы /см., в частности, кн.: Ермаловіч М.І. Старажытная Беларусь. Полацкі і Новагародскі перыяды. Мн., 1990. С. 39 - 40/ ничем, кроме фантазии, не подкреплены. В этих топонимах отраже-

ны народно-мифологические представления о волотах, первых жителях определённых местностей и даже основателях соответствующих деревень, в окрестностях которых найдены орудия из камня, кости необычной величины, древние могилы, курганы, городища /так возникают не только названия населённых пунктов, но и урочищ, полей, пашен; см. анализ названий Валатава́ – Во́латава в бывшем Гомельском уезде в кн.: Рогалеў А.Ф. Сцежкі ў даўніну. Геаграфічныя назвы Беларускага Палесся. Мн., 1992. С. 139 – 141/.

Рассмотренная трансформация этнического имени отнюдь не является единичным примером. Отметим также немецк. Hüne — "великан" /ср. этноним гунны/, грузинск. gmiri , осетинск. gymiry ,gumeri , gaemeri — "великан", "идол" /ср. этноним киммерийцы/, сюда же др.-русск. коумиръ, коумиръ – "кумир", "истукан", "идол" /Попов А.И. Названия народов СССР. Введение в этнонимику. Л., 1973. С. 11, 31/. Этноним чудь у некоторых народов /ханты, саамы, русские жители Севера/ связывается со сказочными образами великанов /см.: Агеева Р.А. Об этнониме чудь /чухна, чухарь/ // Этнонимы. М., 1970. С. 198/; ср. от.-слав. штоудовинъ – "исполин", штоудъ – "великан". В сознании кашубов войны с крестоносцами являются самой давней эпохой, которая сохранилась в памяти народа. Памятью тех далёких времён является и прозвище krzëżak , которым называют сильных, вселяющих страх мужчин. В понятии кашубов, особенно северных, крестоносцы ассоциируются с легендарными, сказочными stoletami –"великанами" /см.: Sychta B. Etymologia ludowa kaszubskich nazw miejcowych //Onomastica. Rocznik IV . Wrocław-Kraków, 1958. S. 285-287 /.

Понятие "великан, исполин" ассоциировалось также с понятиями "больший", "величайший", "возвышенный". Кельтский этноним căvăres — буквально "исполины", название Celtae — дословно "возвышенные", германский этноним sturi – "большие" /Трубачёв О.Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // ВЯ. 1974. № 6. С. 65/, наконец, этимологизация имени вятичи как "бо́льшие, величайшие, высшие по силе" /корень вящ- , вящий/, предложенная В. Чивилихиным в романе-эссе "Память", подтверждают сказанное.

Естественно задаться вопросом: считать ли топонимы, возникшие на основе вторичных значений этнонима, подлинными этнотопонимами ? На наш взгляд, подлинным этнотопонимом является любое отэтнонимическое географическое название, которое отражает реальную этно-историческую ситуацию, имевшую место в прошлом. С этой точки зрения отэтнонимические производные, представляющие собой языковую метафору и не имеющие социально-исторической обусловленности, к числу подлинных этнотопонимов не относятся / в наших примерах — весь ряд образований от основы волот- / велет-/.

Иногда топоним и этноним имеют лишь внешнее звуковое совпадение и формальное сходство в структурно-словообразовательном отношении, причём, не обнаруживается никаких отэтнонимических значений, которые могли бы обусловить возникновение топонима. Например, название двух нас. пунктов Паля́не /Вилейский и Докшицкий р-ны/ образовано по той же модели, что и древневосточнославянский этноним поляне, и восходит к коллективному наименованию жителей с суффиксом -яне : поляне — "те, кто живёт в полевой, а не в лесной местности". В данных названиях нет необходимости видеть сохранение древнего этнонима. Приведённые топонимы реальнее рассматривать как омонимичные этнониму вторичные и более поздние образования по одинаковой модели и по одному и тому же признаку — "жители населённых пунктов, расположенных на ровном месте, не заболоченном, свободном от леса".

Наиболее сложным этапом лингвистического анализа этнотопонимов является разграничение географических названий, действительно возникших на основе этнических имён, и тех топонимов, происхождение которых связано с отэтнонимическими прозвищами и фамилиями. Взаимопроникновение топонимов и антропонимов, которое может быть очень глубоким, охватывающим разные языковые уровни, является очень сложным и недостаточно исследованным вопросом. Так, например, на уровне лексики антропонимы служат наполнителями топонимических моделей, на уровне словообразования антропонимы сами диктуют топонимам свои модели, которым принадлежит значительный удельный вес в топонимии ряда областей /Теория и методика ономастических исследований... С. 188 – 189/. Основная трудность при разграничении этнонимических и отантропонимических основ, на наш взгляд, заключается в том, что как этноним, так и антропоним представляют собой имя. Географические же названия, возникающие на основе имени, обычно имеют одинаковые суффиксы. Топоним Литви́ново, например, можно объяснять по-разному: Литвин-ово или Литвинов-ово с последующим наложением суффиксов /название Лі́цвінава в Беларуси носят населённые пункты Городокского, Полоцкого, Дубровенского р-нов/. Аналогично топоним Литви́новичи также допускает двоякое толкование: Литвин-овичи, Литвинов-ичи или Литвинович-и с окончанием множественного числа в роли аффикса /Лі́цвінавічы — деревни Кормянского и Калинковичского р-нов/.

Для разграничения первичных этнотопонимов и вторичных, опосредованных антропонимами, т.е. псевдоэтнотопонимов, необходимо сочетание двух критериев: выявление отношений мотивации и сопоставление с рядом однотипных названий.

Так, название деревни Латыго́лава /Городокский р-н/ имеет мотивирующую этнонимическую основу латыгол- , поскольку нет антропонимов с подобной основой, но есть этноним латыголь, латыгола. Топоним Ля́хавічы /г. Брестской обл., сс. Житковичского, Зельвенского, Ивановского, Лепельского, Новогрудского и др. р-нов/ также имеет этнонимическую мотивирующую основу /Лях-овичи, Лях-авічы/, поскольку, во-первых, среди названий с основой ляхи нет ни одного в форме Ляхічы /Ляхичи/, и, во-вторых, топонимы типа Ля́хаўка, Ля́хаўшчына, Ля́хаўцы /н.п. Брестской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилёвской обл./ показывают, что -ав- в составе форманта /-авічы/, как и в составе формантов -аўка, -аўшчына, -аўцы, выполняет функцию интерфикса /не может быть Лях-ка, Лях-цина ,Лях - цы из-за трудности произношения/. В пользу этнонимического происхождения, как правило, говорит и повторяемость названия /топоним Ляхавічы, например, служит наименованием 9 населённых пунктов/.

С другой стороны, в топониме Карса́кавічы /н.п. Борисовского р-на/ выделяется антропонимическая производящая основа /Карсак -авічы/, т.к. этнонимическая основа корсь- /ср. этноним ко́рсь, курши, которая выделяется, как можно полагать, в топониме Карса́шчына /с. Лепельского р-на/, выступает без наращения -ак /Карс-а-шчына/.

Анализ топонимического ландшафта также нередко помогает разграничить этнонимическую и антропонимическую основы топонимов. Отдельно взятый предполагаемый этнотопоним всегда поставит значительно больше вопросов, чем группа однотипных или даже одинаковых наименований. Поэтому при выявлении действительных этнотопонимов и отграничении их от псевдоэтнонимических географических названий следует отдавать предпочтение массовому материалу, тем более, если соответствующее название не единично, не изолированно, а повторяется либо целиком, либо отличаясь от однотипных названий своей аффиксальной частью при тождестве топоосновы.

Например, топоним Гудо́вічы, который как будто можно связать с этнонимом гуды /литовск. gúdai / - "белорусы", в Червенском р-не Минской обл. единичен, там нет других этнотопонимов не только с данной топоосновой, но и с иными; кроме того, в названии наблюдается смещение ударения с основы на формант. Всё это затрудняет рассмотрение его как этнотопонима.

Массовый материал, тем не менее, нередко даёт большое количество примеров, в равной мере допускающих двоякое объяснение: Жэмо́йцішкі /с. Вороновского р-на/ — этноним жемайты /жэмайты/ или белорусский антропоним Жамо́йта; Мазу́рышкі /с. Браславского р-на/ -- этноним мазуры, литовский антропоним Мазурас, Мозурас или белорусский антропоним Мазур ; Маска́лішкі /с. Поставского р-на/ — этноним москали /маскаліў/ -- "русские" или литовский антропоним Масколюс /см.: Бірыла М.В., Ванагас А.П. Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы. Мн., 1968. С. 20, 25, 26/.

Тесная связь между антропонимическими и этнонимическими основами в белорусской топонимии объясняется тем, что названия населённых пунктов Беларуси исторически возникали как наименования не самих мест, а их жителей /Нікана ў У.А. Геаграфія фарманта ў у тапанімІІ Беларусі — гісторыя мовы і народа ? // Пытанні беларускай тапанімікі. Мн., 1970. С. 42/. Топонимы отражали, прежде всего, особенности и отличительные черты тех людей, которые строили сёла, заселяли новые места, в том числе и признак по происхождению, по национальности. Естественно, что признак по национальности, происхождению, принадлежности к той или иной этнической группе в данном населённом пункте мог проявляться и в наименовании всех жителей вообще, и в личных именах и прозвищах, т.е. в антропонимах. Поэтому принципиально важно разграничение топонимов, возникших от фамилии одного человека, например, бывшего владельца или основателя села, и топонимов, образованных от фамилий или прозвищ, присущих большинству жителей того или иного населённого пункта /если, конечно, распространение фамилии не связано опять-таки с одним конкретным человеком, основателем села, что, впрочем, обычно сохраняется в памяти населения и передаётся из поколения в поколение/. В последнем случае этнонимический характер топонима, как нам кажется, не стоит подвергать сомнению, поскольку такое географическое название действительно подчёркивает отличие жителей данного населённого пункта от окружающего населения именно в этническом отношении.

Следует отметить также, что названия хуторов часто связаны с именами и фамилиями владельцев, поэтому предполагаемая этнонимическая основа в названиях хуторов, как правило, связана с антропонимом этнонимического происхождения.

Немаловажное значение при изучении этнотопонимов, как впрочем и других групп географических названий, имеют топонимические экспе-

диции, способствующие нередко выяснению многих из тех обстоятельств, которые не могут быть определены в результате исторических и лингвистических соображений. Топонимические экспедиции, работа в полевых условиях позволяют порой ретроспективно проследить процесс переосмысления этнотопонима. Специфика деэтимологизации и последующего переосмысления этнотопонимов, по сравнению с другими группами географических названий, например, гидронимами, заключается в том, что этнотопоним связан не с физическими особенностями объекта, не со случайными событиями, послужившими поводом для номинации, а обусловлен исторически /древнее население, этнические контакты, миграции, политические, военные и другие события/. Это, кстати, не исключает и подобной мотивации для гидронимов. Исторические обстоятельства иногда достаточно полно и правдоподобно передаются из поколения в поколение, иногда изменяются и сами подвергаются переосмыслению. Но так или иначе, отмеченная специфика предполагает необходимость более внимательного отношения к народным преданиям и легендам, связанным именно с этнотопонимами.

Так, жители н.п. Шведы /Вилейский р-н/ сохранили в памяти прежнее /или параллельное ?/ название села — Высокая Пристань, не зафиксированное в словарях и справочниках. Согласно местному преданию, название Шведы, или Шведскі Канец первоначально носила лишь та часть села, где в период русско-шведской войны в начале XVIII в. стояли шведские войска. Затем это название было перенесено на всё село. Не верить этим рассказам нет оснований, тем более, что они имеют достоверную историческую основу. Местное предание даёт возможность объяснить топоним Шведы, который с формальной точки зрения можно причислить к этнонимическим географическим названиям /топоним Шведы образован от этнонима шведы лексико-семантическим способом/, но в действительности принадлежащий к группе псевдоэтнотопонимов.

Когда историко-лингвистический анализ этнотопонимов закончен, доказан их несомненный, подлинный этнонимический характер, требуется определить значение этнотопонимов для исторических и этнолингвистических исследований.

Прежде всего устанавливается периферийный или экстерриториальный характер этнонимического географического названия /в соответствии с терминологией, используемой Е. Охманьским; см.: Охманьский Е. Иноземные поселения в Литве XII - XV вв. в свете этнонимических местных названий // Балто-славянские исследования. М., 1981. С.113/

Разграничить топонимы, размещающиеся на бывшем пограничье двух этнических образований /периферийные/, и топонимы, возникшие в отдалении от собственно этнической территории /экстерриториальные/, можно, опираясь на имеющиеся историко-этнографические, археологические, лингвистические материалы. Если прежние этнические границы хотя бы в общих чертах неизвестны или их протяжённость дискуссионна, классификация этнотопонимов на периферийные и экстерриториальные невозможна. Сами этнотопонимы не могут служить основным ориентиром при определении этнических ареалов, поскольку нередко крупные скопления этнонимических названий наблюдаются в районах, далеко отстоящих от реальных современных и исторических границ, на так называемых "этнических островах", где возникновение этнотопонимов обусловлено наименованием этнического меньшинства этническим большинством.

Примечателен в этом плане Толочинский р-н Витебской обл., где выявляется ряд интересных этнотопонимов, связанных с этническими именами балтских и западнославянских народов /латыши, латголь, видзы, пруссы, ляхи/, хотя юго-восток Витебщины находится далеко от былых этнических контактных зон.

Если топоним, образованный от этнического имени данного народа, находится в пределах его собственной этнической территории, то можно предполагать, что название населённого пункта происходит от колонистов, которые, осваивая земли данного народа, взаимодействовали с местным населением. Если этнотопоним, напротив, находится вне этнических границ данного народа, то его /имени/ происхождение также можно объяснять колонизационным движением или связывать с пленными, поселёнными на собственных землях другого народа. Иногда такие этнотопонимы могут указывать на прежнюю, более широкую этническую территорию народа /см.: Kamiński A. Jaćwież. Terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź 1953. S. 63 - 89/.

Как видим, этнотопонимы могут дать исследователю богатую и разнообразную информацию об исторических связях народов. Вместе с тем этнотопонимы, как, впрочем, и любые другие географические названия, являются своеобразным "зашифрованным" знаком, понять значение и содержание которого можно, опираясь на самые разнообразные исторические, собственно топонимические, этнографические и лингвистические данные.

Среди этнотопонимического материала преобладающими в количественном отношении являются названия населённых пунктов. Применительно к территории Беларуси можно говорить почти о полном отсутствии гидронимов отэтнонимического происхождения. Гидроним Дулёбка /Дулёбня/ представляет собой небольшой ручей в Кличевском р-не Могилёвской

обл., получивший название от соседнего н.п. Дулёбня. Гидроним Словёчна /басс. Припяти/, а также гидронимы Вя́та /басс. Зап. Двины/ и Вя́ча /басс. Березины Днепровской/ имеют весьма предположительную и окончательно не доказанную связь соответственно с этнонимами славя́не и вятичи /см.: Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. С. 64, 351; в гидрониме Словечна – Славе́чна, скорее всего, отражена основа $^{+}$kleu- , $^{+}$sreu- – "течь"; гидронимы же Вя́та, Вя́ча мы рассматриваем в ряду следующих имён рек: Ве́нча – л.п. Березины, Ве́тча – л.п. Десны, Вет – басс. Припяти, Веть – л.п. Днепра, басс. Десны, п.п. Сейма; Ве́тьма – л.п. Десны с притоком Ви́темка Ве́темка; Вить – л.п. Припяти; л.п. Десны, вар. Вит ; этимологическое значение этих гидронимов — "вода", ср. манс. вит – "вода", венг. vis – "вода", удмурт. вис – "промежуток", "проток" /.

На наш взгляд, лишь расположенные непосредственно вдоль этнических границ, фиксирующие эти границы реки, озёра, являющиеся к тому же существенным географическим ориентиром на этнической территории того или иного народа, могли получить названия, связанные с этническими именами /ср., напр., Чудское озеро /. Отсутствие пространственной компактности, географическая протяжённость являлись основными причинами, препятствовавшими широкому распространению этнонимических обозначений в гидронимии /на территории Украины, например, из 600 этнонимических географических названий только 35 связаны с реками, причём данные реки, как правило, очень незначительны, 10 – 20 – 30 км протяжённостью, иногда на них расположены одноимённые сёла; см.: Дяченко В.Д. Про назви населених пунктів України етнонімічного походження. С. 157 – 158/.

Несколько слов о терминологии, используемой в настоящей работе. Термины этноним и этнонимия /"совокупность этнонимов"/ прочно утвердились в научной литературе и закреплены "Словарём русской ономастической терминологии" /Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988. С. 153 – 155/. Содержание термина этноним иногда понимается более широко или более узко разными исследователями. С.А. Арутюнов, например, ставит под сомнение применимость этого термина по отношению к так называемым "суперэтническим целостностям" типа германцы, славяне, кельты, романцы, или "этнополитическим организмам", состоящим из различных национальных групп /бельгийцы, индийцы, швейцарцы и т.п./ /см.: Арутюнов С.А. / Рец. на кн.: Этнонимы. М., 1970/ // ВЯ. 1971. № 4. С. 131/. По мнению Г.Ф. Ковалёва, с точки зрения лингвистов все названия подобного рода удобнее объединять термином этноним, хотя с точки зрения этнологов, этнографов и демографов это возражение вполне справедливо /см.: Ковалёв Г.Ф. История русских этнических названий. С.5/.

Нами под термином этноним последовательно понимается обозначение любого этноса — рода, племени, союза племён, народности, нации, а также субэтноса, этнографической группы, суперэтноса. Мы считаем возможным использовать и термины катойконим /нарицательное обозначение людей не по национальной или государственной принадлежности, а по месту жительства — городу, селу или другому населённому пункту/ и хороним /собственное имя определённой территории, страны, государства, области, района/.